

УДК 1(470)

DOI: 10.34670/AR.2026.56.73.007

Рецепции платонизма и аристотелизма в метафизике времени**Б.Н. Чичерина****Савинцев Вячеслав Игоревич**

Кандидат философских наук, доцент,
Высшая школа философии, истории и социальных наук,
Балтийский федеральный университет,
236041, Российская Федерация, Калининград, ул. Невского, 14;
e-mail: vyacheslav-savincev@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию истоков представлений о времени видного русского метафизика и философа права Б.Н. Чичерина. Актуальность темы связана, во-первых, с недостаточной исследованностью вопроса о смысловых параметрах темпорального мышления философа, исторической обусловленностью его обращения к теме времени, а во-вторых, — с отсутствием работ, выявляющих базовые знания его осмысления этого метафизического понятия. Цель исследования — обнаружить и охарактеризовать классические (платоновские и аристотелевские) рецепции времени в творчестве русского философа в ракурсе его увлечения немецкой классической философией и философскими вопросами научного знания. Новизна исследования выражена в раскрытии гипотезы о том, что исходные рассуждения о времени как форме восприятия, о разграничении времени как «представления» и времени как «понятия», о функционировании времени как инобытия вечности были почерпнуты мыслителем из классических философских работ и, в соответствии с европейскими требованиями метафизики конца XIX в., профессионально переосмыслены. Методология исследования включает традиционный набор исследовательских приемов: компаративистский анализ, метод философской герменевтики, а также диалектический метод. Представленная в статье информация может быть использована в различных историко-философских исследованиях, связанных с метафизическими аспектами творчества Б.Н. Чичерина.

Для цитирования в научных исследованиях

Савинцев В.И. Рецепции платонизма и аристотелизма в метафизике времени Б.Н. Чичерина // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2026. Том 15. № 3А. С. 66-74. DOI: 10.34670/AR.2026.56.73.007

Ключевые слова

Время, вечность, дух, последовательность, понятие, представление, форма, Платон, Аристотель, метафизика, Чичерин.

Введение

В творчестве Бориса Николаевича Чичерина – российского логика, философа и правоведа – есть одна статья, опубликованная в журнале «Вопросы философии и психологии» № 26 (1) за 1895 год, посвященная свойствам времени и пространства. Внимательный читатель, следуя мысли автора, найдет в ней утверждение, что эти «независимые» друг от друга начала представляют собой, как понятия, атрибуты «вечно действующего» абсолютного Духа, а также указание на их «приемлемость» в идеалистической философии, поскольку их содержание было разработано в учениях Гегеля, Шеллинга и поэтическом творчестве Гете [Чичерин, 1895, с.12]. Быстрое решение сразу отправит Б.Н. Чичерина к российским гегельянцам, коих было достаточно в XIX веке, тем более что российский автор в этой же статье указывает и на тождество бытийных и мыслительных процессов, что, как известно, составляет один из постулатов диалектической логики. Однако, историко-философский подход требует от текста большего – понять авторское устройство мысли, специфику ее социокультурного развития, особенно в тех случаях, когда она посвящена «вечным» для философии темам, к каковым и относятся пространство и время.

Воспользовавшись сравнением из «Бытия и времени» М. Хайдеггера, можно сказать, что любой нетривиальный философ подобен ремесленнику, чье «присутствие» обретает смысл через применение инструмента. При этом сам инструмент (добавим мы) может быть неизменным, как его увековечила культура, а может дорабатываться субъектом действия, «прилаживаться к руке». Таковы и философские концепты (инструменты прошлого), реинтерпретируя которые, новые авторы используют их в сборке собственных идей. В воззрениях Б.Н. Чичерина, согласно нашей гипотезе, на формирование концепции времени оказали влияние не только Гегель, Кант и иные представители классической философии и естествознания, упоминаемые в статье, но, прежде всего, *Платон и Аристотель*.

Основная часть

1. Эпистемологическое оснащение философского подхода Б.Н. Чичерина.

В статье Б.Н. Чичерин различает философское использование времени и пространства как «представлений» и «понятий». Согласно его подходу, понятия обуславливают применяемые представления, но далеко не во всех случаях субъект их эксплицирует, довольствуясь достаточностью фрагментарного познания. «Не для всех, однако, это понятие ясно, – пишет о времени Б.Н. Чичерин. – Причина та, что время в нашем мышлении является в двоякой форме: как представление и как понятие. Обще всем людям представление времени. Оно всегда есть присущая уму форма, под которою он воспринимает все явления мира. Но в основании этого представления лежит понятие, которое должно быть выяснено для сознания, а это составляет плод особенного умственного процесса, на который не все способны» [Чичерин, 1895, с.4]. *Представление* времени включает в себя набор качеств (подробнее о них мы сообщим ниже), применяемый в конкретных ситуациях познания изменения в мире вещей и сознании самого познающего, тогда как *понятие* это надэмпирический конструкт, суть которого раскрывается при обращении к основаниям мироустройства. И, казалось бы, наш философ мог быть смело отнесен в эпистемологии к традиции кантовского трансцендентализма, если бы не его стремление увязать метафизический подход с методологией естествознания. Б.Н. Чичерин, озабочен, чтобы подлинность результатов определялась не только правильностью мышления,

но законами науки и, что самое главное, четкой концептуальной увязкой явлений (то, что мы воспринимаем, обращаясь к вещам и собственным ощущениям) и вещам самим по себе. Явления в его концепции устроены двояко. Он пишет: «Явление есть взаимодействие между субъектом и объектом; если в этом взаимодействии есть субъективный элемент, то есть и объективный, независимый от субъекта и принадлежащий самим вещам. В числе этих объективных определений есть и такие свойства вещей, которые прямо относятся ко времени. Такова *последовательность*. Время есть чистая форма последовательности, и такую именно форму последовательности мы замечаем в явлениях, почему и прилагаем к ним представления времени; мы говорим, что они происходят во времени» [Чичерин, 1895, с.6]. Итак, явления (материал познавательных операций субъекта) у Б.Н. Чичерина включают в себя как субъективный, так и объективный элементы. Автор не оговаривает способ их сочетания, но подчеркивает эвристическую надежность сочетания. Обращает на себя внимание то, что сама *последовательность* – это понятие, результат обобщения разнотипных перемещений в пространстве, но русский философ представляет его как осмысление элементарного опыта видения (или внутреннего созерцания, если речь идет о собственных чувствах и мыслях) вещей, порождаемое мировой изменчивостью. Время (со всем набором его понятий) в данном случае, если мы говорим о «происходящем во времени», есть средство описания этих процессов. Б.Н. Чичерин онтологизирует его и как форму последовательности самих вещей, и как форму бытия в чувствах и мысли познающего явления вещей, что, как мы отметим далее, находит свои истоки в платоновской традиции.

2. Краткий экскурс в платоно-аристотелевскую традицию интерпретации времени.

Под платоно-аристотелевской концепцией мы понимаем воззрения на время как самого Платона, так и его ближайшего последователя Аристотеля. В данной работе мы не планируем проводить детальный анализ отличий в воззрениях учителя и ученика, поскольку, во-первых, это находится вне сферы нашей темы, а, во-вторых, в историко-философской традиции это неоднократно осуществлялось. Среди недавних работ лучше всего это, на наш взгляд, было сделано П.П. Гайденко в монографии «Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке» [Гайденко, 2006]. Здесь же мы выделим те характерные положения их философии времени, которые позволят нам в дальнейшем выявить классический след темпоральных формулировок Б.Н. Чичерина.

В творчестве Платона это знаменитые фрагменты (37d и далее, с.38, 39) диалога «Тимей». Во фрагменте 37d древнегреческий философ сообщает: «И вот когда Отец усмотрел, что порожденное им, это изваяние вечных богов, движется и живет, он возрадовался и в ликовании замыслил еще больше уподобить [творение] образцу. Поскольку же образец являет собой вечно живое существо, он положил в меру возможного и здесь добиться сходства, но дело обстояло так, что природа того живого существа вечна, а этого нельзя полностью передать ничему рожденному. Поэтому он замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности; устроив небо, он вместе с ним творит для вечности, пребывающей в едином, вечный же образ, движущийся от числа к числу, который мы назвали временем» [Платон, 1994, с.439-440]. Обращает на себя внимание, что «движущееся подобие», «вечный образ, движущийся от числа к числу» Платон производит и, следовательно, противопоставляет миру вечности. Как отмечает П.П. Гайденко, «...Платон впервые в историко-философской мысли пытается дать метафизическое обоснование понятия времени, сопоставив его с вневременной вечностью» [Гайденко, 2006, с.25]. Этот ход позволяет ему, с одной стороны, утверждать о привнесенной извне в эмпирический мир упорядоченности по космическому образцу, а с другой – о

сущностных отличиях «того живого существа» и, сотворенного вторым, изменяющегося мира. Следует заметить и то, что создание Отцом вышеуказанного «вечного образа» способствовало появлению и развитию темпоральных понятий и свойств («который мы называем временем»), что может свидетельствовать и о конвергенции в платоновской концепции бытия и мышления, и о формировании специального языка, который может описать движущийся от числа к числу земной образ вечности. Любопытное уточнение делает А.А. Плешков, автор статей и монографии, посвященной философии времени Платона. Производя исследование этого вопроса с использованием различных лексикологических методов, он уточняет: «...интерпретация позволяет нам сделать однозначный, в контексте раннего словоупотребления αἰών, вывод: вечность у Платона есть особый модус существования модели, который «воссоздается» демиургом при творении в небе. Небо как копия полноты жизни модели есть структура, т. е. своеобразное упрощение, схематизация жизни. Именно эту структуру, выраженную через числовые отношения, мы и называем временем. Время, причастное через математику божественному началу, есть доступная разумному познанию структура творимого космоса» [Платон, 1994, с. 221-222]. Такой вывод показывает, что идущие во след Платону философы, обращаясь к проявлениям упорядоченных изменений (последовательности) эмпирического мира, будут говорить о времени как их форме, прибегая в интерпретации к языку строгих понятий и отношений, а также, как это делает и сам Платон с планетами, будут искать устойчивых аналогий, демонстрируя постоянство отношений.

Еще один вопрос, который рассматривается в темпоралистике Платона, связан с бесконечностью времени. Как отмечает П.П. Гайденко, время, хоть и создается Отцом, но по природе оно не вечно. Отец может разрушить, свое творение, но он этого не сделает. Он «не может захотеть разрушить свое создание, потому что оно – благое, а поэтому космос можно назвать бессмертным. То же самое можно сказать и о космической стихии времени» [Гайденко, 2006, с.25-26]. Рожденное вместе с небом время должно вместе с ним и разрушиться, но этого Отец не пожелает.

Продолжателем платоновской традиции стал Аристотель, заслуга которого выразилась в физической спецификации времени. Ученик Платона полагал, что время не рождается вместе с небом, поскольку небо существовало всегда, но также, как и небо, существует вечно. Вопрос о свойствах времени в его «Физике» большей частью был связан с типичными ситуациями его проявления в эмпирическом мире при оформлении инертной материи в конкретные процессы и состояния посредством движения в пространстве. Время, как отмечается у П.П. Гайденко, является у Аристотеля и числом, и мерой движения: мерой – в отношении к обращению небесной сферы, а числом – к измерению движения (у Аристотеля оба параметра измеряются друг через друга) объектов эмпирической реальности [Гайденко, 2006, с.33-34].

Спецификация аристотелевского подхода связана с тем, что, в отличие от пространства, время не дано целиком в восприятии. Всякий раз в опыте мы имеем дело с какой-то отдельной его частью, в то время как другие или исчезли, или не наступили. В отличие от Блаженного Августина, Аристотель не усложняет восприятие введением дополнительного понятия «настоящее» к каждой из частей времени, а исходит из утверждения связи времени с постоянством движения. По его мысли, измеряя временем движение, мы можем сопоставить его части и утвердиться в его существовании. Принцип измерения и лег в основу аристотелевского определения: «... время есть не что иное, как число движения по отношению к предыдущему и последующему» [Аристотель, 1981, с.149]. Помимо математической характеристики понятие времени осмысливается и метафизически. Рассуждая о малой его части, Аристотель вводит

понятие «теперь» – минимальный и неделимый компонент времени. Может возникнуть мысль, что Аристотель, используя это понятие, нарушает идею непрерывности сущего, к атрибутам которого относил пространство, время и движения, однако, как поясняет Д.В. Никулин «... «теперь» и соединяет, и разделяет время, а соотношение времени и «теперь» есть соотношение отрезка (который не состоит из точек) и точки (границы отрезка), однако отрезок этот есть не-отрезок, поскольку время постоянно становится больше (и потому меньше) самого себя. Сама эта точка «теперь» – постоянно тождественная и вместе с тем постоянно иная и в этом смысле есть не точка. Если, замечает Аристотель, математическую точку можно, раз она есть начало одного отрезка и вместе с тем конец другого, считать за две тождественные точки, то «теперь» нельзя, ибо иначе произойдет остановка, разрыв в движении» [Никулин, 1993, с.86]. Однако отсутствие частей не является синонимом отсутствия границ. «Теперь» выступает своеобразной границей между прошлым и будущим, способствующей оформлению реальности, установлению его определенности бытия.

Еще одной важной характеристикой времени у греческого философа (о которой мы еще упомянем в связи с концепцией Б.Н. Чичерина) является его постоянство (вечность). В отличие от Платона, полагавшего «устройство» неба и времени Отцом, Аристотель исходил из мысли, что космос был всегда, а потому такие его качества как пространство, движение и время также были и остаются вечными. Кроме того, философ это подтверждал на практике сопоставления частей времени: за каждой прошедшей частью следует еще более давняя, тогда как каждой будущей предшествует еще более ранняя, и вместе они образуют единый непрерывный ряд следования.

Как и в случае с Платоном, в отношении упорядоченно-изменчивого мира у воспринимающего человека формируются устойчивые представления. Аристотель задается вопросом, а можно ли это состояние мира признать временем, если, например, не будет того, кто его воспринимает и математически анализирует? «Может возникнуть сомнение, – пишет философ, – будет ли в отсутствии души существовать время или нет? Ведь если не может существовать считающее, не может быть и считаемого, ясно, следовательно, и числа, так как число есть или сочтенное, или считаемое. Если же по природе ничто не способно считать кроме души и разума души, то без души не может существовать и время, а разве то, что в каком-нибудь смысле является временем, например, если существует без души движение, а с движением связано «прежде» и «после» время же и есть это самое, поскольку подлежит счету» [Аристотель, 1981, с.157]. Как видно из цитаты, философ отмечает, что в мире, не зависимо от воспринимающей его души, существует движение, в состояниях которого есть то, что было раньше и будет позже, но рационально-осмысленную форму этим состояниям может придать только душа. То есть, перефразируя эту мысль в современных понятиях, согласно Аристотелю, время объективно как длительность, но фактор его упорядоченности раскрывается через деятельность «общего» чувства души.

3. Античные рецепции времени и их «обыгрывание» в философском дискурсе Б.Н. Чичерина

Темпоральные идеи Б.Н. Чичерина формировались в эпоху техногенной цивилизации и несут в себе черты приобщенности автора к естественно-научному и технологическому знанию. Вместе с тем, в отличие от многих современников, абсолютизирующих опытное познание или строгий научно-теоретический расчет, Б.Н. Чичерин реализует философский подход, который можно обозначить как метафизический реализм. Автор убежден, что в основании конкретно-научных методов и мировоззрений должна лежать строгая философская теория, обеспечивающая как направление научного поиска, так и взаимосвязь научных выводов.

Согласно автору, знание содержания фундаментальных понятий обеспечивает правильное эпистемологическое отношение к вещам и процессам. В основании этого знания и должна лежать классическая, идущая из Античности, традиция.

3.1. Двусоставность образа времени.

Первое, на что следует обратить внимание, говоря о связи темпоральной концепции Б.Н. Чичерина с платоновской традицией, это двусоставность образа времени. Как для Платона и Аристотеля, так и для Чичерина образ времени складывается, во-первых, из динамических процессов сущего (вечный «движущийся образ» у Платона, определяемое числом и мерой движение у Аристотеля и «последовательность» у Чичерина), а во-вторых, из дарованных, «общих» или прирожденных способностей восприятия и рационализации этих процессов познающим субъектом. «...время есть, – пишет Б.Н. Чичерин, – прирожденная умозрительная форма представлений» [Чичерин, 1895, с.5]. Еще раз подчеркнем, что вышеуказанные способности души не есть способности исключительно субъективного восприятия времени. Эти способности транссубъективные, обеспеченные включенностью самих субъектов познания в упорядоченный и изменчивый мир.

3.2. Конкретные свойства времени.

Рассуждая о свойствах времени, Б.Н. Чичерин оказывается наиболее близок к Аристотелю. Он также, как и Стагирит, более всего уделяет внимание не космологическим или моральным его характеристикам, как в случае с Платоном, а конкретным физическим проявлениям, а именно его дискретности и сплошности. Более того, как и Аристотель, Чичерин акцентирует внимание на проблемности его всецелой данности, в отличие от пространства. «Как чистая форма последовательности, время представляется состоящим из частей одна за другою появляющихся и исчезающих. Эти части называют *моментами* или *мгновениями*». Они различаются между собою своим отношением к бытию: моменты исчезнувшие, т.е. перешедшие из бытия в небытие, составляют *прошедшее*; перешедшие из небытия в бытие, составляют *настоящее*; наконец, те, которые должны получить бытие, когда исчезнет настоящее, составляют будущее» [Чичерин, 1895, с.2]. Подобно Аристотелю, Чичерин задумывается о том, что последовательность принимает участие в становлении вещей, для чего ей необходимо иметь не только сплошной характер, но и включать в себя элемент прерывности, обеспечивающий процессуальность происходящего: для того, чтобы вещам возникнуть и оставаться собой, им надо проходить изменения – от небытия к бытию и от бытия к небытию и т.д., что и обеспечивает им, то, что мы именуем временем исполнения. Далее, само понятие небытия здесь также употреблено в аристотелевском ключе – как одно из состояний динамически изменяющегося сущего. Но, у читателя фрагмента, может сложиться впечатление, что Б.Н. Чичерин не оговаривает ситуацию наличия/отсутствия «пустот» в последовательности мгновений (случай, напоминающий ситуацию с апориями Зенона), которая у Аристотеля обеспечивается введением понятия «теперь», как формальной точки стяжения и внутреннего разделения частей времени (см. об этом выше). Однако, обходясь без этого понятия, Чичерин решает эту проблему так: «Совершающееся во времени действие может происходить скачками; но время течет непрерывно. Нет мгновения, когда бы не было настоящего, и это настоящее непосредственно следует за прошедшим и предшествует будущему» [Чичерин, 1895, 3]. Таким образом, философ акцентирует внимание на его непрерывности, как это происходит и у Аристотеля, а также – его объемлемости и равномерности, что также можно найти в платоновской традиции.

3.3. О бесконечности/вечности времени.

Представленные в п.2 положения, раскрывающие темпоральную концепцию у Платона и Аристотеля, показывают, что время и вечность, как понятия, находятся у философов в тесном взаимодействии. Однако необходимо отметить, что для каждого из философов она значит. Согласно исследованию А. Плешкова, в текстах античных авторов различаются 4 типа вечности: *метафизическая*, *логическая*; *физическая* и *онтологическая* [Плешков, 2021]. Как отмечает автор, все типы вечности можно встретить в текстах Платона, однако в диалоге «Тимей» он повествует о создании времени как «образе» и противоположности *метафизической* вечности. У Аристотеля, как отмечает П.П. Гайденок, платоновский тип вечности отсутствует, поскольку философ полагал, что космос был всегда, следовательно, и время всегда сопровождало его процессы, а потому в противопоставлении временного вечному нет надобности. Чичерин в своих воззрениях сопоставим с Аристотелем. Его также интересуют конкретные стороны проявления времени. Вместе с тем, различая время как *представление* и как *понятие*, последнее он связывает с атрибутивным проявлением Абсолютного Духа, который, как нам думается, выступает инициатором и вечным законом динамических процессов. Будучи чистой формой последовательности, время причастно вечности все определяющего Абсолютного Духа. Таким образом, оно как бы исходит из вечности, становясь ее инобытием. «...время может быть атрибутом только абсолютного субъект-объекта, как вечно действующей силы, обнимающей все частные действия и дающей им закон. Абсолютный, вечно действующий субъект-объект мы называем Духом. Время есть атрибут абсолютного Духа. Если есть время, то есть и абсолютный Дух» [Чичерин, 1895, с.16]. В этой связи конструктивно говорить о *физической* вечности у Чичерина, приближая его подход к аристотелевскому. Представим определение Плешкова на этот счет: «Третья стратегия подразумевает, что вечность не имеет «качественного» отличия от времени, но является «количественной» характеристикой. Тогда как существование большинства физических объектов ограничено во времени, вечно лишь то, что существует всегда, т.е. в течение, на протяжении всего времени. Строгое определение: χ вечен, если и только если нет такого прошлого, когда бы χ не существовал, и нет такого будущего, когда χ не будет существовать. Такая позиция характерна для *темпорализма*, а саму интерпретацию можно назвать физической, коль скоро она не требует выхода за пределы воспринимаемого мира» [Плешков, 2013, 34]. Для Чичерина такой вечностью, а точнее – безначальностью и бесконечностью была, как отмечалось выше, «вечно действующая сила» последовательности, формой которой и является время: «...какой бы момент мы не представили настоящим, у него всегда есть предшествующий, а потому нет начала; а с другой стороны, исчезновение одного момента непременно сопровождается появлением другого, а потому нет конца. Таким образом время, как чистая форма последовательности, не имеет ни начала, ни конца: оно вечно» [Чичерин, 1895, 7].

Заключение

Подводя итог рассмотрению платоновских и аристотелевских реминисценций в темпоралистике Б.Н. Чичерина, возникает вопрос о том, что принципиально нового сделал русский философ для своего времени в этом вопросе? Ответить на него можно, как минимум, двояко. Во-первых, русский философ актуализировал классическое понимание времени как образец строго метафизического подхода к анализу длительности сущего, что для позитивистского XIX века, абсолютизирующего эмпирический подход в научно-познавательной деятельности, уже не мало (вспомним, что схожая проблема стояла и перед В.С.

Соловьевым, написавшем «Кризис западной философии (против позитивистов)»). Во-вторых, в указанной статье русский мыслитель проводит четкую, известную с античных времен методологическую линию: за познаваемыми явлениями, свойства которых нам даны в ощущениях или рефлексии, стоят объективные понятия, обеспечивающие корректность их рациональной обработки. Это и должно стать вечным правилом всех наук, не зависимо от их, говоря современным языком, парадигмальной изменчивости.

Библиография

1. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 3 / пер., вступ. статья и примеч. И.Д. Рожанский. М.: Мысль, 1981. 613 с.
2. Гайденок П.П. Время. Длительность. Вечность. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 464 с.
3. Никулин Д.В. Пространство и время в метафизике XVII в. Новосибирск: Наука, 1993. 258 с.
4. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. 654 с.
5. Плешков А.А. Истоки философии времени: Платон и предшественники. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 328 с.
6. Плешков А.А. О времени и вечности в философии Платона и Плотина // Вестник РХГА. 2013. № 3 (14). С. 216-223.
7. Чичерин Б.Н. Пространство и время // Вопросы философии и психологии. М., 1895. № 26/1. С. 1-57.

Receptions of Platonism and Aristotelianism in B.N. Chicherin's Metaphysics of Time

Vyacheslav I. Savintsev

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Higher School of Philosophy, History and Social Sciences,
Baltic Federal University,
236041, 14, Nevskogo str., Kaliningrad, Russian Federation;
e-mail: vyacheslav-savincev@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the origins of ideas about time of the prominent Russian metaphysician and philosopher of law B.N. Chicherin. The relevance of the topic is connected, firstly, with the insufficient research into the question of the semantic parameters of the philosopher's temporal thinking, the historical conditionality of his appeal to the theme of time, and secondly, with the absence of works revealing the basic knowledge of his comprehension of this metaphysical concept. The purpose of the research is to discover and characterize the classical (Platonic and Aristotelian) receptions of time in the work of the Russian philosopher from the perspective of his passion for German classical philosophy and philosophical questions of scientific knowledge. The novelty of the research is expressed in the development of the hypothesis that the initial reasoning about time as a form of perception, about the distinction between time as a "representation" and time as a "concept," about the functioning of time as the otherness of eternity, were drawn by the thinker from classical philosophical works and, in accordance with the European requirements of metaphysics of the late 19th century, professionally reinterpreted. The research methodology includes a traditional set of research techniques: comparativist analysis, the method of philosophical

hermeneutics, as well as the dialectical method. The information presented in the article can be used in various historical and philosophical studies related to the metaphysical aspects of B.N. Chicherin's work.

For citation

Savintsev V.I. (2026) Retseptsii platonizma i aristotelizma v metafizike vremeni B.N. Chicherina [Receptions of Platonism and Aristotelianism in B.N. Chicherin's Metaphysics of Time]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 15 (3A), pp. 66-74. DOI: 10.34670/AR.2026.56.73.007

Keywords

Time, eternity, spirit, sequence, concept, representation, form, Plato, Aristotle, metaphysics, Chicherin.

References

1. Aristotle. (1981). Sochineniya. V 4-kh t. T. 3 [Works. In 4 vols. Vol. 3]. Mysl'.
2. Chicherin, B.N. (1895). Prostranstvo i vremya [Space and Time]. *Voprosy filosofii i psikhologii*, (26/1), 1-57.
3. Gaydenko, P.P. (2006). Vremya. Dlitel'nost'. Vechnost' [Time. Duration. Eternity]. Progress-Traditsiya.
4. Nikulin, D.V. (1993). Prostranstvo i vremya v metafizike XVII v. [Space and Time in Seventeenth-Century Metaphysics]. Nauka.
5. Plato. (1994). Sobranie sochineniy v 4 t. T. 3 [Collected Works in 4 vols. Vol. 3]. Mysl'.
6. Pleshkov, A.A. (2013). O vremeni i vechnosti v filosofii Platona i Plotina [On Time and Eternity in the Philosophy of Plato and Plotinus]. *Vestnik RHGA*, (3(14)), 216-223.
7. Pleshkov, A.A. (2021). Istoki filosofii vremeni: Platon i predshestvenniki [The Origins of the Philosophy of Time: Plato and His Predecessors]. HSE Publishing House.